

МАРИНА СЕРОВА

Оранжевая КОМНАТА

Сернал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Оранжевая комната

«Научная книга»

2011

Серова М. С.

Оранжевая комната / М. С. Серова — «Научная книга»,
2011 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Нелегко отыскать черную кошку в темной комнате. Еще труднее найти папку с документами, похищенную у бизнесмена. Частный детектив Татьяна Иванова убеждается в этом, едва взявшись за поиски. Ей придется провести ночь в морге, побывать в логове хладнокровных убийц, в склепах старинного кладбища – прежде чем она узнает, ключ к каким тайнам хранился в той злополучной папке...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марина Серова

Оранжевая комната

Глава 1

БЛОНДИНКИ В ЗЕЛЕННЫХ ПЛАТЬЯХ

Голос женщины, позвонившей мне в пять утра, был более чем взволнованный. Она просила о встрече, и я согласилась. Ко мне не так часто обращаются представительницы слабого пола, хотя, кто его знает, может, оно и к лучшему? Только вовсе не обязательно будить меня так рано. И так, она позвонила, я ответила и сразу же, перевернувшись на другой бок, уснула. Мне под утро обычно снятся самые фантастические, цветные и немного сумасшедшие сны. Но в то утро мне приснилась эта женщина. Блондинка с бледными веснушками на милом грустном лице в изумрудно-зеленом платье.

Когда же я окончательно проснулась, на часах было уже восемь, звонок, сообщавший о том, что кто-то пришел по мою душу, просто разрывался в прихожей. Я, как была – в пижаме, – подошла и взглянула сквозь глазок. И почти не удивилась, увидев женщину в зеленом.

– Татьяна Иванова? – спросила она с недоверием в голосе. Оно и понятно – в таком виде я меньше всего была похожа на частного детектива. Скорее на зубрилу-студентку юрколледжа.

– Да, я Татьяна Иванова. Подождите минутку. – И я, пригласив ее в квартиру, отправилась приводить себя в божеский вид.

Спустя четверть часа мы уже сидели за кофе, и я слушала Анну Шубину – так звали мою посетительницу.

– Мне скоро будет сорок два года, – говорила она, царапая розовым ногтем черную полированную столешницу моего карточного столика, – а я умудрилась влюбиться, представляете?

Я хотела ответить, что не представляю, поскольку для меня влюбиться – это все равно что расписаться в какой-нибудь хронической душевной болезни. Но промолчала, продолжая разглядывать эту холеную, роскошную блондиночку и вдыхая при этом аромат ее сладких духов.

– Он совсем еще мальчик, но такой красивый, нежный... Я совершенно потеряла голову. Мы часто встречались, и все было замечательно. Прежде я была верна мужу, но Саша... Словом, жизнь моя изменилась, я начала совершать странные поступки...

– Какие, например? – жестко прервала я этот поток воспоминаний, чтобы хоть немного отрезвить ее. Не к подруге же она пришла, на самом деле.

– Недавно купила ему машину, мотоцикл японский, видеокамеру... Но он стал почему-то холоден ко мне... Я понимаю, ему всего-то двадцать, а вокруг так много красивых девочек... Но ведь он сам говорил, что любит меня. Если бы не это, разве ж я позволила...

– Так что же случилось? – мое терпение подходило к концу. У меня была масса дел, весь день был расписан по минутам.

– Как что, разве вы еще ничего не поняли?

– Представьте себе, нет.

– Он бросил меня. Он настоял на том, чтобы мы встретились не на той квартире, которую я для него снимала, а у меня дома... Он в этот раз был очень груб со мной, все произошло быстро. А когда Саша ушел, я поняла, что он похитил из кабинета мужа папку с документами. Это очень важные документы, они имеют отношение к крупным поставкам немецкого оборудования для химического комбината. Вы, наверное, слышали – фирма «Штольц»? С этими документами мой муж должен на той неделе, в понедельник или во вторник, лететь в Берлин. Я уж не знаю, зачем понадобились Саше эти бумаги, но...

– А вы уверены, что именно Саша взял папку?

– Конечно, я сама заходила незадолго до встречи с Сашей к мужу в кабинет – папка лежала на столе, а после его ухода она исчезла.

– А где находился в это время ваш муж?

– На работе, в своем офисе.

– И что вы хотите от меня?

– Мне сказали, что только вы сможете мне помочь вернуть документы.

Мой мозг, уже окончательно проснувшийся к этому времени, начал с ходу выстраивать логические конструкции, которые рушились, как только я встречалась глазами с Анной. Чего-то явно не хватало в ее рассказе. Какого-то очень важного звена. Да и сама она держалась несколько неестественно, нервно. От этой женщины исходил холод, она казалась сделанной из синтетического, но добротного и качественного материала. Я не могла взять в толк, что происходит.

Из ее рассказа следовало, что ее обобрал молодой любовник, обобрал цинично и хладнокровно. Саша Берестов был студентом художественного училища. Зачем ему могли понадобиться документы на поставку химического оборудования? Да и какой прок от них вообще кому-нибудь? Если бы он похитил деньги или драгоценности, то все выглядело бы вполне классически, даже хрестоматийно. Предположим, что его наняли как посредника, все равно, какая может быть польза от этих бумаг?

И еще, я не могла взять в толк, чем больше расстроена Анна – тем, что ее бросили, или пропажей папки?

– Я надеюсь, вы в курсе того, что моя работа стоит довольно дорого?

– Об этом можете не беспокоиться. Я заплачу любые деньги, лишь бы до понедельника эта злосчастная папка нашлась. Если мой муж узнает...

– Но ведь он может узнать о пропаже уже сегодня, не так ли?

– Нет. Он из офиса сразу же поедет на дачу, а вернется лишь в воскресенье вечером. Сегодня четверг, – она стала загибать пальцы, – значит, пятницу, субботу и воскресенье до обеда он будет в Жасминном...

– Неслабо он у вас работает, – неожиданно для себя прокомментировала я и тут же сменила тему: – У вас есть адрес Берестова?

– Да, конечно. – Анна порылась в большой рыжей сумке с позолоченными замочками и достала новенький бирюзовый блокнот на пружинке. Я отметила про себя, что она основательно подготовилась к визиту: несколько страниц блокнота были исписаны ее четким аккуратным почерком. Там был и адрес Берестова, и список его знакомых, даже родственников. Кроме того, туда же были вписаны номера его «Опеля» и «Судзуки». В отдельном желтом конверте лежало несколько снимков с изображением хмурого черноволосого парня – лицо крупным планом, огромные глаза с тяжелыми, словно припухшими веками, тонким носом и большим чувственным ртом.

На стол легла пачка денег.

– Мне сказали, что в день вы берете двести долларов. Здесь аванс – тысяча. Вот мои телефоны. Я очень надеюсь на вас.

Я попросила у нее координаты и визитную карточку ее мужа. С тем и расстались.

Она ушла, а в комнате еще долго пахло ее духами. И все равно что-то здесь было не так. Можно было прибегнуть к помощи костей – двенадцатисторонних кубиков, – подкинув которые можно взглянуть на трактовку цифр и сделать соответствующие выводы. Но в тот момент мне почему-то хотелось обойтись лишь интуицией и логикой в ее самом чистом виде. Прежде чем навестить Сашу Берестова в его альма-матер, я приготовила себе пару горячих бутербродов с ветчиной и сыром, съела кисть винограда и собралась было уже взять ключи от

машины, как в дверь снова позвонили. Я тихо приблизилась и посмотрела в глазок. Женщина в зеленом. Она что-то забыла?

Я открыла дверь и была слегка шокирована, увидев на пороге не Анну, но очень похожую на нее женщину в платье такого же оттенка и даже с похожей сумочкой.

– Татьяна Иванова? – спросила приятным грудным голосом новая посетительница и как-то чересчур смело продвинулась в мои владения. – Мне посоветовали обратиться к вам, – произнесла она тоном, не терпящим возражения, и взглянула на меня своими светлыми, широко поставленными глазами.

Она ушла через час, оставив мне еще одну тысячу баксов. Ее тоже звали Анна, и ее тоже бросил Саша Берестов.

Чтобы не встретиться с третьей Анной, которую покинул молодой и нахальный любовник, я поспешила выбраться из квартиры, вывела из гаража небесно-голубой «жигуленок» и помчалась в сторону Мирного переулка, в котором находилось Художественное училище.

Глава 2

БЕСПЛАТНЫЙ СТРИПТИЗ

Заглядывая в пропитанные запахами масляных красок и скипидара мастерские, заполненные робкими солнечными бликами и одухотворенными художниками, я пристально вглядывалась в лица молодых людей, пытаюсь отыскать среди них опытного любовника, секс-гиганта Сашу Берестова, пока не натолкнулась на рыжую девочку в розовом воздушном платье, похожую на бабочку-капустницу, попавшую под закатный луч. Я спросила ее, не знает ли она, где сейчас можно найти Берестова.

– Он на втором этаже, третья дверь направо. Вам повезло, вся группа ушла, он только и остался. – И она как-то странно посмотрела на меня.

То, что все люди искусства склонны к пороку, – аксиома. Но сказать это о Саше Берестове – это значит не сказать ничего. Вот она, сила красоты! Я ощутила его ауру еще у двери, едва увидев его. Он сидел на высоком табурете, освещенный скупыми солнечными лучами, таявшими на черных, завешенных этюдами стенах, и о чем-то сосредоточенно думал.

Я приблизилась к нему и явственно почувствовала, что кровь в моих жилах побежала быстрее. Про таких, как Саша, говорят: чертовски красив. Копна черных блестящих кудрей, породистое яркое лицо и устремленный на меня насмешливый взгляд.

Я, не говоря ни слова, сняла с себя джинсовую куртку, джинсы, майку, затем, помедлив немного, стянула трусики.

– Куда вставать-то? – спросила я, прикрывая руками грудь и капризно наморщив лоб.

– Не понял, – услышала я хриловатый, но очень сексуальный голос и почувствовала, как по моему телу побежали мурашки. Еще ни разу в жизни мне не приходилось изображать из себя натурщицу. Натурщицу, которая ошиблась дверью или спутала время. – Ты кто?

– Ты же Берестов?

– Ну, Берестов, дальше-то что?

– Мне сказали, что ты ищешь натурщицу...

– Пошутили. Одевайся, а то я сам сейчас разденусь.

Уже одетая, я повернулась к двери. Я увидела Берестова – и это было самым главным. Значит, он существовал. Значит, мне предстоит интересная работа.

В это время дверь в мастерскую приоткрылась, и в ней показалась голова мужчины.

– Извините, – пробормотала голова и тут же исчезла. Берестов заметно побледнел.

– Черт, – сказал он и, резко соскочив с табурета, кинулся к окну. – Слушай, я, похоже, влип. Они за мной охотятся со вчерашнего дня. Ходят по пятам, а я не знаю, что им от меня нужно. Ты можешь мне помочь?

– А что я должна делать? – Я не могла без волнения смотреть на него.

– «Нанá» Золя читала?

– Ну читала, ты что же, предлагаешь мне раздеться и постоять с часок голышом на подоконнике? – Я сотворила обиженную мину.

– Я заплачу, ты только отвлеки их, пожалуйста. Встретимся возле «Роял Бургерс» через час, приходи... – И Берестов исчез.

Шлюха – это вам не натурщица. Это я поняла, когда, моментально освободившись от одежды и раскрыв окно, встала босыми ногами на пыльный подоконник. Я сразу же заметила припаркованный неподалеку от арки черный «мерс», а рядом с ним двух гоблинов в черных джинсовых костюмах. Голову одного из них я видела пару минут назад в этой мастерской. Боже, и что только не приходится делать частному детективу на службе!

Швырнув пустую банку из-под кока-колы под ноги гоблинам, я, стараясь привлечь их внимание, зазывно присвистнула и идиотски улыбаясь, крикнула:

– Мальчики! Идите сюда, к нам! У нас шампанское, весело... Марин, ты кого выбираешь? – крикнула я, обращаясь в мастерскую, как если бы там находились такие же голые девушки, как я. – Я лично вон того, что повыше... Не трогай меня, все равно не слезу!

Что гоблины околачивались возле арки не для того, чтобы подышать свежим воздухом, было ясно как день. Им за это деньги платят, но кто мне заплатит за стриптиз?

Мужчины устроены довольно примитивно, они и сами это прекрасно знают, но правило рычага по своей сути не менее примитивно. Обнаженное тело женщины – это сила. И в этом я убедилась, когда боковым зрением увидела, как из арки выскользнул Берестов и побежал в сторону Астраханской, подальше от черного «мерса», подальше от гоблинов. А гоблины в это время не отрываясь пялились на меня и представляли себе, должно быть, теплую компанию подвыпивших юных художниц и натурщиц в чем мать родила...

– Где твои подружки? – спросил один, жадно пожирая меня глазами. Возле арки уже образовалась толпа зевак – пора было одеваться.

– В тюрьме мои подружки, – мрачно отозвалась я и спрыгнула с подоконника.

Выскочив из мастерской и оценив время, которое могло понадобиться гоблину на то, чтобы определить, что обнаженная девушка стояла в окне той самой мастерской, в которой находился Берестов, я побежала по длинному узкому коридору к выходу.

Но времени ему понадобилось немало, потому что я столкнулась с этой обезьяной уже в самой арке. Он сразу набросился на меня, схватил за руку, ну и получил, конечно, все, что ему полагается. Резкий удар коленом по чувствительному месту, по переносице, моим – почти металлическим на это время – лбом и вывернутая рука – вот, пожалуй, неполный результат моих усилий в плане боевого самбо. Гоблин сипло ахнул и осел, а я, вылетев на проезжую часть, пробежала вдоль тротуара полквартала и успокоилась лишь в своей машине. Открыла окно, в салон ворвался теплый, напоенный черемухо-тополиным духом, воздух. Чтобы прийти в себя и перевести дух, я, покружив немного по центру города, выехала спокойно на Яблочкова, затем, оставив машину на тихой Первомайской, зашла на главпочтамт и, прикупив десяток жетонов, набрала телефон Анны. А так как выбор был у меня велик – все-таки Анн было две! – я решила позвонить сначала первой. Поскольку координаты Анны Второй не совпадали с координатами Первой. В остальном же, что касалось Берестова, как ни странно, все совпадало.

– Вы должны немедленно приехать в немецкое кафе «Роял Бургерс», – сказала я. – Мы с Берестовым сядем за один столик, а вы, в случае, если это действительно тот молодой человек, которого вы подозреваете, кивнете мне головой. Если же нет, то сразу же уходите из кафе. Я вам перезвоню.

Глава 3

САРА И ЧЕРНЫЕ ЧУЛКИ С КРУЖЕВНОЙ РЕЗИНКОЙ

Карл Либен прилетел в Москву из Мюнхена ночью. Он плохо переносил самолет и поэтому, оказавшись в гостинице «Метрополь», первым делом повесил на дверь табличку с просьбой не беспокоить, выпался и только потом спустился в ресторан.

Неистребимое желание причаститься ко всему русскому заставило его выбрать из обширного меню традиционные щи, расстегаи, семгу и икру. Не обошел он вниманием и водочку.

Плотно пообедав, Карл вернулся к себе в номер, достал из дипломата пакет из темной почтовой бумаги, перевязанный грубой тесьмой и заклеенный в нескольких местах скотчем, и благоговейно прижал его к груди. Досада на отца, который по легкомыслию – он называл это своей, собственной философией – с таким опозданием поделился с сыном семейной тайной, постепенно уступала место чувству великой благодарности к родителю. Главное, что он все-таки успел перед смертью доверить сыну эту информацию. А что было бы, если бы он умер на день раньше, когда Карл находился по делам в Берлине? Тогда, быть может, он растрепал бы свою тайну приходящей домработнице Магде... От одной этой мысли Карла бросило в пот.

Либен был стройным пятидесятилетним мужчиной, элегантным, подтянутым. Его узкое бледное лицо оживлялось лишь прозрачными голубыми глазами. Рот же, узкий, с опущенными уголками губ, выдавал в нем человека безвольного и обиженного на жизнь. Кто знает, быть может, доверясь ему отец раньше, уголки губ Карла были бы приподняты кверху.

На сегодняшний день Карл Либен являлся хозяином писчебумажной фабрики в Мюнхене. Дела шли хорошо, и поэтому к пятидесяти годам Карлу удалось сколотить изрядный капитал, чтобы жить в полном довольстве и ни в чем себе не отказывать. У него не было семьи. Радость жизни он находил в ощущении превосходства над другими, в комфорте, которым окружил себя со всей пышностью и вкусом, и... в женщинах. Он любил женщин и считал их самыми удачными творениями Всевышнего. Он восхищался ими как с эстетической точки зрения, так и в плане психологическом. Ему нравилась их непредсказуемость, нормальная, здоровая тяга к деньгам; он прощал им мотовство, если речь шла о косметике, парфюме или белье. Ему доставляло неслыханное удовольствие смотреть на женщину в тот момент, когда она, затаив дыхание, открывает коробочку с какой-нибудь безделушкой или духами, как блестят ее глаза, как нежна она бывает в порыве благодарности. Но, разумеется, во всем должна быть мера. Впрочем, женщины – умные существа, они сами чувствовали грань между возможным и невозможным и практически не доставляли хлопот своему благодетелю.

На вопрос, почему такой преуспевающий и благополучный мужчина не стремился к созданию семьи, можно было ответить приблизительно так: он боялся надоесть той единственной, способной подарить ему детей женщине, поскольку в душе был крайне неуверенным в себе человеком. Но он это столь тщательно скрывал, что его пассии воспринимали его нежелание жениться только как страх перед потерей свободы.

Уже к вечеру Карл познакомился с одной очень миленькой женщиной, маленькой аппетитной евреечкой, с которой он и поужинал в небольшом французском кафе. Затем они прогулялись немного по Тверской, побеседовали о Москве – Карл неплохо говорил по-русски, – и он привез свою новую знакомую к себе в номер.

Женщину звали Сарой. У нее были черные бархатные глаза слегка навывкате, сочные пухлые губы, над которыми темнел нежный пушок. Она была ярчайшей представительницей своего неугомонного племени. Говорила она мало, но когда открывала ротик, то Карл просто

млел от гортанного, журчащего, прокатывающегося «р-р-р». Словно в горле этой прекрасной самочки перекатывались жирненькие орешки.

– Вы надолго в Москву? – спрашивала она, расстегивая пуговицы на своей белой шелковой кофточке, словно ей было душно в этом прохладном, насыщенном кондиционированным воздухом номере.

– Нет. Завтра поездом в один небольшой провинциальный городок.

– И что же это за городок, куда едет такой важный господин, как вы?

– Сначала, правда, я загляну в большой провинциальный город, а уж потом, автобусом, – на самый берег Волги.

– У вас там дела или родственники? – Сара расстегнула еще одну пуговицу и томно вздохнула. Затем тряхнула стриженными блестящими локонами и блаженно потянулась. – Зачем вообще иностранцы едут к нам, непонятно. У вас там цивилизация, улицы шампунем моют, а вы едете в грязную русскую провинцию...

Карл Либен улыбнулся одними губами. Ему, честно говоря, было уже не до смеха. Сара возбуждала его все больше и больше. Он знал за собой грех, а потому изо всех сил старался не подавать виду, как сильно хочется ему завалить эту брюнеточку на постель и впиться губами в ее крепкое, изящное тело.

– Вы можете раздеться, – сказал он наконец и ослабил узел на своем галстуке. – А то я смотрю, вам жарко?..

– Понимаете, я не из тех женщин, за которую вы меня принимаете. Я хоть и не замужем, но тоже свои принципы имею. Я же не проститутка какая-нибудь. Хотя вы – мужчина что надо...

Карл не поверил ей. Русские женщины не отказываются от денег. Это он понял еще в свой первый приезд в Москву.

– Что вы, Сара, я ни о чем таком даже и не думал... – соврал он, чувствуя, как в низу живота сладостно заныло.

– Хотя, если опустить все условности – а у нас в России их достаточно много, – то секс является, пожалуй, самым большим кайфом. Вы знаете, что означает слово «кайф»?

– Да, – чуть слышно проговорил Карл Либен и сорвал с себя галстук. «Если она сейчас не уйдет, – подумал он, – то я пропал».

Между тем Сара встала и проворно подбежала к двери. Ей было от силы лет двадцать пять. Узкая короткая юбка плотно обтягивала стройные бедра. Под прозрачной блузкой просвечивала полная, высокая грудь. Мозг Карла отключился, уступив место первой сигнальной системе по Павлову. Глаза смотрели, все остальное настраивалось на маленькую женщину, удобно приютившуюся в глубоком, обитом шоколадного цвета бархатом кресле.

– Я заперла дверь, ну что же вы? – Она улыбнулась, показывая прекрасные зубки и, протянув к нему руки, заиграла, делая дурашливые царапающиеся движения, пальцами рук, словно призывая его.

Карл Либен по привычке полез в карман, извлек упаковку презервативов, дрожащими руками вскрыл ее и достал маленький пакетик.

– Нет-нет, что вы, я верю вам! – И Сара послала ему воздушный поцелуй. – Вот только принесите, пожалуйста, минералки, а я пока разденусь...

Он вернулся и застал Сару лежащей поверх стеганого розового покрывала. На ней не было ничего, кроме прозрачных чулок с кружевной резинкой.

Они выпили минеральную воду на брудершафт, и последнее, что увидел в этот вечер Карл Либен, были белые роскошные груди, к которым он и потянулся всем телом... Крепкий сон оказался явно сильнее страсти.

Глава 4

КРОВЬ НА БЕЛОМ МРАМОРЕ

«Роял Бургерс» – достаточно приличное кафе, но все равно не то, что московский «Макдоналдс». Сверкающая никелем кухня, в которой снуют, как мышки в красных передничках, девушки с подносами, белый мраморный пол, светлые столики, чистота, уют, запах горячих яблочных пирожков и гамбургеров, хруст ледяных кубиков, шелест разворачиваемой тончайшей упаковки, смех детей, тихий говорок посетителей...

Саша Берестов сидел один за высоким столом, нервно грызя соломинку, опущенную в давно опустевший стакан. По его взгляду я поняла, что он ждал меня.

Я забралась на высокий стульчик, уперла усталые ноги в подставки и взглянула на него злыми глазами.

– За «Нанá» с тебя, пацан, две тысячи баксов, – произнесла я негромко и сжала кулаки.

– Обойдешься двумя гамбургерами, – бросил он небрежно и пошел к стойке. Вернулся, правда, с полным подносом еды и напитков.

– Ушли? – спросил он, всем своим видом показывая собственное превосходство и прекрасно осознавая всю силу своего бездонного обаяния.

– Это я ушла. А что им от тебя нужно?

Он покачал головой:

– А тебя-то кто ко мне послал? Кому это вздумалось пошутить?

– Иванов, – ответила я, вонзая зубы в теплую мякоть бутерброда и чувствуя, как янтарно-сливочный майонез капает мне на пальцы.

Ивановых, как песка на хорошем пляже. Это у меня готовый пароль. И я не просчиталась.

– Придурок, – усмехнулся Берестов и развернул чизбургер.

Мне всегда нравилось смотреть, как едят мужчины. Они находят в этом процессе особый смысл. Если говорить о Саше, то я представить себе не могу, чтобы он делал что-нибудь некрасиво или, как бы это поточнее выразиться, незавораживающе. За работой над Сашей Бог, похоже, выложился до предела. После него, должно быть, он стал лепить сплошных даунов...

– Придурок не придурок, а мне помочь хотел. Деньгами. Сейчас фиг где устроишься.

– Вообще-то ты не похожа на девиц, стреляющих деньги. У тебя прикид что надо, – вскользь бросив взгляд на мой джинсовый костюм, заметил Саша. – Уж я-то разбираюсь.

И тут он снова побледнел. Чизбургер выпал из его рук и опрокинул пластиковый стакан с пенным клубничным коктейлем. Я даже ухом не повела, если бы и умела это делать. Я кожей спины сквозь толщу американской джинсы почувствовала, что в кафе вошла Анна.

И тут произошло нечто такое, что заставило всех посетителей кафе вскочить из-за своих столиков и броситься врассыпную. Раздался громкий сухой щелчок – выстрел! – и Анна, не сделав и двух шагов, упала на пол. На белом мраморе начала расплзаться лужа крови. Светлый костюм роскошной блондинки на спине стал за какую-то минуту красным, а под лопаткой образовалась темная рваная точка. Пока мужчины в фирменных белых рубашках и красных галстуках суетились возле истекающей кровью женщины, я думала о том, что раз Анна не повернула обратно, значит, Саша Берестов, сидящий сейчас передо мной с открытым ртом, – тот самый. Поскольку не увидеть его она не могла – он сидел лицом к дверям, стало быть, она явно направлялась к нему.

Я продолжала сидеть неподвижно, в то время как мой спутник сделал попытку подняться.

– Сиди лучше, – зло прошептала я. – Ты ведь знал ее? Она шла к тебе?

Он изумленно смотрел на меня.

– Ешь, что бы там ни случилось. Сейчас приедут «Скорая помощь» и милиция. Тебе не стоит засвечиваться. Хотя стреляли в нее из-за тебя.

– Кто вы? – Ошалелый Берестов перешел на уважительное «вы».

– Меня зовут Татьяна Иванова. Я – частный детектив. Еще вопросы будут?

Он молчал.

В трех метрах от нашего столика все рябило от сочетания белого и красного. В кафе стоял невероятный гвалт. Почти все посетители разбежались. За прозрачной витриной возникло канареечно-желтое пятно – приехала милиция. Мелькнуло что-то матовое с красным крестом – «Скорая». Полный джентльменский набор.

– Видишь, ее накрыли? – произнесла я дрогнувшим голосом. – Мы бы все равно ничем не смогли помочь. А теперь пора уходить.

Я соскочила со стульчика и, крепко схватив ставшего апатичным Сашу за руку, повела его в сторону туалетов и другого выхода. Оказавшись в просторном коридоре, между дверями с женским и мужским силуэтами, я, заметив приближавшегося в нашу сторону мента, вдруг обняла Сашу и прижалась к нему всем телом. Я просто вмялась в него, впилась в губы и застыла. Он инстинктивно ответил мне губами.

– Вы что это тут? – грубо проронил мент, хватая меня за плечо. – Ничего не слышали, что ли?

Я оторвалась от Сашиных губ и мутным взглядом обвела мужчину в сером.

– Слушай, мент, че пристал? За это тебе штраф не обломится, – хмыкнула я и снова вцепилась в онемевшего Берестова.

– Человека убили, – важно сообщил мент, – лучше уходите.

– Как это убили? Сереж, пойдем, посмотрим... – И я потянула Сашу в зал. Но мент выставил нас из «Роял Бургерс» как школьников – за воротники.

– У меня машина тут недалеко, – вдруг оживился Саша. – Во дворе военкомата. Пошли. Я не могу здесь больше оставаться.

Белый «Опель Кадет» увозил нас в сторону Набережной. Берестов рассказывал о том, как он познакомился с Анной.

Она увидела его ранней весной на этюдах – они с группой рисовали старинный особняк на Вольской. Пришла к нему в училище, не хуже, чем я, заглянула в мастерскую. Судя по рассказу Саша, Анна влюбилась в него с первого взгляда. Во вторую встречу она отвезла его к себе на дачу, в поселок Жасминный, и отдалась ему, как может отдаться потерявшая рассудок сорокалетняя женщина, влюбившаяся, быть может, в первый и последний раз в жизни.

– А ты ее не любил? – спросила осторожно я, в душе почему-то не желая, чтобы он вообще любил кого-нибудь. Такие, как он, должны принадлежать обществу или храниться в музее. Под стеклом. Пуленепробиваемым.

– Не знаю. Мы с ней словно переболели какой-то болезнью. Я и сам ходил словно чокнутый. Мы с утра до ночи валялись в постели.

Я представила себе их в постели и словно услышала шорох простыней, жаркое дыхание, влажные звуки и нежные запахи любви. С этой чертовой работой можно превратиться в бесполое существо, одной рукой держащее пистолет, а другой пересчитывающее баксы. Противно.

– Анна Шубина заплатила мне сегодня утром деньги за то, чтобы я нашла тебя и отобрала принадлежащие ее мужу документы на поставку химического оборудования. Поэтому-то я и оказалась в училище.

– Но я ничего не брал у нее!

– Она сказала, что, кроме вас двоих, в квартире никого не было. Вы провели некоторое время в постели, а затем она уснула. Ты оставался рядом, потом ушел, после чего и пропала зеленая папка с документами.

– Да не брал я никакой папки! – Берестов остановил машину так резко, что я чуть не вцепилась в лобовое стекло. – Я просто ушел, и все.

– А почему ты ушел? Разве ты не мог подождать, пока она проснется? Пусть у тебя не было к этой женщине любви, но уйти вот так, пока она спит, – это же подло. Пóшло.

– Она утомила меня, – Саша опустил голову. И в это самое время из проезжающей мимо нас машины раздалось несколько выстрелов. Машина исчезла так же внезапно, как и появилась. Сашино плечо было залито кровью, он потерял сознание. Я быстро вышла из машины и протолкнула его на свое, пассажирское место, а сама, сев за руль, резко бросила «Опель» вперед. Пролетев пару кварталов, я заметила впереди черный «мерс» и чуть не вдавила педаль газа в асфальт. Послушная зверь-машина неслась, как на воздушной подушке, мягко и легко. Но нахальный, подмигивающий красным воспаленным глазом светофор позволил «мерсу» раствориться в потоке машин на улице Чернышевского. Когда я вырвалась на шоссе, черный лоснящийся жук уже свернул на Радищевскую и скрылся с моих глаз. Они, что называется, оторвались.

Я развернула машину и помчалась домой – оказывать помощь раненому.

С трудом втащила его к себе на второй этаж, заперлась на все замки и, только уложив Сашу на постель, села и перевела дух.

Спустя пять минут я уже специальным пинцетом извлекла из его плеча пулю. Она засела неглубоко, но крови вышло целое ведро. Так во всяком случае мне показалось, когда я отстирывала его рубашку.

Сделав перевязку, я села и стала ждать, когда же мой пациент очнется. Но в это время раздался телефонный звонок. Я подняла трубку.

– Таня Иванова? – услышала я уже знакомый грудной голос. Я почувствовала, как зашевелились волосы на моей голове. Бред продолжался. Королева Анна Вторая дала о себе знать.

– Как продвигаются наши дела? – спросила она как ни в чем не бывало. Эта призрачная женщина играла какую-то, только ей известную роль, но вот какую, мне нужно было узнать как можно скорее. Она зачем-то выдавала себя за Анну, значит, ей тоже нужен был Берестов с документами. Или же схема происходящего была намного сложнее, и Анна Вторая просто отвлекала меня? Но от кого? От чего? Что еще готовилось на горячей плите преступлений? Кому понадобилось убивать измученную любовью Анну Шубину? Кому она помешала?

– Дела продвигаются бешеными темпами, – принялась уверять я свою фантастическую клиентку, – Берестова я нашла, но он улизнул в последний момент. Скорее всего он уже за городом или прячется у друзей. Думаю, что ваши документы у него.

– Ну и прекрасно, – почувствовала я ее удовлетворенную улыбку, – если что – звоните, хорошо?

Она повесила трубку. А я, достав из кармана своей куртки бирюзовый блокнот Анны Первой, набрала ее номер.

– Да, я слушаю, – послышался снова грудной, мягкий и знакомый до умопомрачения голос.

Если вы не можете представить себе, как встают у людей волосы дыбом, посмотрите на модельера Славу Зайцева – вот у него, при взгляде на собственные произведения, волосы почти всегда стоят. Как наэлектризованные. Вот и со мной стало твориться нечто невообразимое.

Раздался стон. Но не тот, что у нас песней зовется. Это очнулся Саша Берестов. Он открыл глаза и снова застонал.

– Знаешь, что: хватит разыгрывать тут из себя раненого, пулю я из твоего плеча достала, рану обработала и перевязала. Укол сделала. Не расскажешь, где документы и что вообще произошло в тот день на квартире Шубиных, – засуну пулю обратно в плечо и выкину тебя подыхать на лестничную площадку. Неужели ты не понимаешь, что в твоих же интересах рассказать мне все?

Он здоровой рукой поправил повлажневшие от пота волосы, тяжело вздохнул и снова закрыл глаза.

– Если я расскажу, то в меня всадят еще несколько пуль. – Лоб его покрылся испариной, а под глазами залегли круги. – Но только я все равно ничего не брал. Просто я видел, кто брал. Случайно.

– И кто же?

– Я не могу сказать.

– Но почему? Пусть это прозвучит цинично, но ведь Анны-то все равно нет...

– Именно поэтому и не могу.

– В таком случае, дружок, ты останешься здесь. Пытать я тебя не буду, ты и так не в лучшей форме, но, когда вернусь, ты сам все расскажешь. Иначе... иначе я сделаю так, что убийство твоей любовницы повесят на тебя. Уж будь спокоен.

Я не очень надеялась на то, что произнесенные мною слова произведут хоть какой-нибудь эффект, но у меня оставалось мало времени, а дел было по горло.

Прежде всего мне необходимо было выпить чашку горячего кофе и выкурить сигарету.

Я по-прежнему решила обходиться без милых сердцу костей, зато, когда была выпита последняя капля кофе, моя рука сама по привычке опрокинула чашку. И я замерла. Дождавшись, когда кофейная гуща примет достаточно неподвижный рисунок, я перевернула чашку и внимательно посмотрела на ее дно. Как ни странно, но я несколько не удивилась, увидев перед собой миниатюрный, сотворенный из кофейных и почти симметричных разводов театральный занавес. У меня от нетерпения даже ноздри затрепетали.

Вымыв чашку, я заглянула в спальню к раненому и, сообщив ему о наличии продуктов в холодильнике и микроволновке, поспешно вышла из квартиры.

Саша Берестов теперь надежно замурован. Он стал моим пленником, и от этой мысли мне было почему-то очень хорошо.

Глава 5

МАРГАРИТА И АЛИСА: ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Сергей Иванович Шубин, находясь на своей даче в Жасминном, замачивал толстые розовые куски свинины в вине «Монастырская изба», время от времени промокал рукавом слезящиеся глаза. Погода стояла прекрасная. Жизнь с каждым днем радовала все больше и больше. В просторной кухне гулял ветерок, прилетевший сюда из сада и теперь весело заигрывавший с пестрыми занавесками. Было тихо до ломоты в ушах. Слава богу, подумал он, что дачный телефон почти никто не знает. Аня не позвонит, он сказал ей, что они с Абросимовым и его замами – Сквозниковым и Трубниковым – засядут за преферанс. А карты – это святое. Карты – это то небольшое, что он позволял в своей заполненной делами и заботами жизни. И Аня это понимала. Кроме того, никогда не повредит немного отдохнуть друг от друга. Обычно в те дни, когда он с друзьями собирался поиграть в преферанс, Аня ходила к своей массажистке или приглашала домой подруг. Звонили маникюрше, косметичке и расслаблялись. Женщинам ведь не вино нужно, им подавай торты, пирожные, фрукты. Невинные и, в общем-то, бестолковые существа. Как дети.

Он любил Анну. По-своему, по-мужски, быть может, несколько грубовато. Супружеский долг свой он исполнял исправно, но скорее из уважения к Ане, чем по зову страсти. Уж больно скована она в постели, к тому же хрупка и нежна до чрезвычайности. А в последнее время и вовсе сдала. Похудела. Авитаминоз, решил Шубин и купил ей на полмиллиона витаминов.

Мысли о жене были прерваны воробьем, который, залетев в кухню в открытое окно, смешно опустился на стол и вдруг, словно сообразив, куда попал, в одно мгновение вылетел в сад.

В миску с мясом посыпалась зелень – петрушка, кинза, укроп, – затем шмякнулось полкило густой желтоватой сметаны. Именно от сметаны шашлык приобретает особую сочность и нежную рыжую, дымную корку.

Прикрыв все это крышкой, Шубин занялся помидорами. Помыл и оставил на большом блюде. Рядом, в глубокой, сплетенной из лозы тарелке, высилась горка оранжевых, с маслянистым блеском, апельсинов. Конфеты и вино лежали в машине. Вспомнив об этом, он вышел из дома и направился к ней. Красный пижонский «Форд» сверкал на солнце.

Будучи в принципе совестливым человеком, Сергей Иванович старался не думать о том, что он самым бесстыдным образом собирается изменить жене. Он и раньше, конечно, изменял, но это были в основном девочки, с которыми он с друзьями развлекался после преферанса. Не по любви, даже не по страсти, а подчиняясь главным образом веселому, бесшабашному настроению и, что и говорить, самой настоящей похоти. Вот, кстати, о похоти они и затеяли намеренно дискуссию. Похоть – что это, хорошо или плохо? Пошло или нормально? Хорошая тема. Пришли к выводу, что стремление мужчины обладать женщиной вообще – независимо от того, испытываешь ли ты к ней какие-либо другие чувства, кроме сексуальных, – и есть похоть. И что это нормально. Полезно. Прекрасно. Вообще замечательно. Словом, оправдали себя на все сто.

Но то было с девочками. Сегодня же к нему должна приехать женщина. Необычайно хорошенькая, изящная, интеллигентка, умница и само очарование. Глядя на такую женщину, невозможно не стать сентиментальным.

Они познакомились две недели назад возле его дома. Шубин вышел из подъезда и заметил, что какая-то очаровательная незнакомка рассматривает его новый автомобиль.

– Нравится? – спросил он только для того, чтобы заговорить с нею.

– Не то слово, – ответила она приятным бархатистым голосом и улыбнулась. – Как хорошо быть мужчиной и обладать такими возможностями...

– Если вы о машине, то что мешает вам купить себе такую игрушку?

– Да-да, конечно... Но обстоятельства не всегда складываются таким образом, чтобы можно было себе позволить приобрести «Форд». И я, заметьте, не имею в виду деньги. Понимаете, за машиной нужен уход, в ней надо разбираться, а я совершенно не приспособлена к этому... Вот водить, это да. Это так приятно... до головокружения...

После этих слов Шубин подумал о том, что если у незнакомки кружится голова от езды, то что же с ней происходит в постели? Она, наверное, совсем голову теряет.

На вид ей было тридцать с небольшим. Высокая, стройная, с волосами цвета августовской соломки. На ней было белое обтягивающее платье, которое прекрасно оттеняло чудесный нежный загар. Она смотрела на него прозрачными голубыми глазами и улыбалась пухлыми розовыми губами. Неповторимое выражение ее лицу придавали темные, взлет брови. В общем, женщина-мечта. У Шубина даже дух захватило.

– Хотите, я вас подвезу? – вдруг неожиданно для себя предложил он и галантно поклонился в шутовом менуэте. В этот день у него было прекрасное настроение: документы на поставку оборудования для фирмы «Штольц» были подписаны. Все шло самым лучшим образом. И тут... она.

– Вообще-то я не сажусь к незнакомым мужчинам, но у вас такая машина, такая... – Она в восхищении сжала кулачки и, как показалось Шубину, даже притопнула. – «Форд» – это класс!

Он подвез ее в центр и, не удержавшись, пригласил пообедать в частный ресторан, располагавшийся в цокольном этаже соседнего с их офисом дома. Там обычно подавали заказные блюда, и хозяин заведения, Роман Филькин, по средам готовил гуся.

Они договорились встретиться в три часа. И она пришла. Их обед продлился до самой ночи.

В ресторане, лишенном дневного света, было мягкое спокойное освещение. Шум шагов официанта поглощали ковры. На столиках в отдельных кабинетах стояли живые цветы – в тот день были сильно пахнувшие лилии, от которых у Шубина немного разболелась голова. Задрапированные красным бархатом кабинки располагали к интимной беседе. Это чувствовалось в самой атмосфере, царящей в этом мирке чревоугодия и прочих мирских радостей.

После того как был съеден молодой гусь с яблоками и выпито шампанское, Маргарита, так звали женщину, перебралась на колени к Шубину и стала нашептывать ему на ухо такие вещи, от которых он пьянел больше, чем от вина.

Когда же подали крем в вазочках и клубнику, Марго брала ягоду губами и язычком заталикала ее в рот Шубину.

Она исчезла прямо из ресторана. Сказала, что ей нужно в туалет, и пропала.

А объявилась лишь через три дня, когда Шубину уже начало казаться, что эта восхитительная женщина ему только приснилась.

Она больше не соглашалась обедать с ним. Они встречались в условленном месте, Марго курила одну сигарету за другой и, покатавшись с полчаса по городу, настаивала, чтобы он отвез ее к Радищевскому музею. Так продолжалось до тех пор, пока Шубин не спросил ее, что она делает в музее.

– Гнездо у меня там, – ответила она мрачно цитатой из известного детского анекдота.

– У тебя неприятности? – спросил Шубин. До него вдруг дошло, что его образ жизни, а вернее, уровень жизни, может не совпадать с ее уровнем.

– Слушай, тебе нужны деньги?

– Понимаете, дело не только в этом... Здесь в городе... суета, кругом машины, шум, выхлопные газы... Меня это угнетает...

– У меня с собой пятьсот долларов... Завтра будут еще.

Она, словно деньги волновали ее меньше всего, спокойно приняла из его рук пачку зеленых и спрятала в сумочку.

– Я бы хотела куда-нибудь в лес, на природу, – она подняла на него свои огромные, с темными густыми ресницами, глаза, – где мы могли бы побыть вдвоем. Согласитесь, что лежать на залитой соусом и шампанским скатерти в позе препарированной лягушки и чувствовать при этом, кроме мужской силы... взгляд порочного официанта-онаниста...

Шубин покраснел. Как не краснел никогда. Но и возбудился до пяток.

– Я все понял... У меня в Жасминном есть дача, вернее, даже дом. Я идиот, мне надо было додуматься до этого самому. В четверг приходи к своему любимому музею, я буду тебя ждать...

– Нет-нет, я приеду сама. Ты мне только покажи, где это находится...

И он показал. Они пробыли в Жасминном часа три.

– Тебе понравилось здесь? – Шубин с нежностью смотрел, как Марго одевается.

– Дом как дом. Большой, – спокойно ответила она, глядя куда-то в пространство.

...Она должна была приехать с минуты на минуту. Сергей Иванович стоял у окна и смотрел на дорогу.

Как-то очень некстати вспомнилась жена. А что, если она вдруг возьмет и приедет на дачу? Просто так, сядет в машину и приедет. От этой мысли ему стало не по себе. Она ведь никогда так не поступала, так почему же он об этом думает? Что может быть проще, чем позвонить и узнать, дома она или нет?

И вдруг он почувствовал, что ему чего-то не хватает. Вроде бы все как обычно, и, однако, что-то было не так. Последовательность жестов, движений, сопровождающих человека на протяжении всего дня, была все та же: хождение из угла в угол – классика! – пощипывание в нервном ожидании мочки левого уха; приглаживание правой рукой довольно густых для пятидесятилетнего мужчины волос – русых, с алюминиевым блеском; похлопывание себя по карманам. Стоп! Вот оно! Он похлопал себя по левому бедру в том месте, где находился карман, но не услышал характерного позвякивания ключей. Их было так много, что ключ от машины он всегда держал отдельно, в нагрудном кармане рубашки или пиджака. Для удобства, так сказать. Все еще не желая верить в свои смутные подозрения, Сергей Иванович быстро сунул руку в карман, и ему стало плохо: ключей не было. Он моментально проверил остальные карманы – пусто. Выбежал во двор, к машине, порывлся в бардачке. Нет. Неужели он потерял всю связку ключей?! Драгоценных ключей?! Его квартира закрывалась замками – и их было немало! – врезанными в две мощные двери: одну – деревянную, другую – металлическую. Что, если Анна вышла и в дом пробрались воры?

Он сел и попытался сосредоточиться. Весь день он находился в своем офисе, приводил в порядок бумаги, звонил партнерам, прорвался в министерство и, только заручившись поддержкой замминистра, успокоился, расслабился и, сказав секретарше, что больше не вернется, поехал на рынок за мясом и зеленью.

Алиса? Разве его секретарша Алиса была на месте?

Он закрыл глаза и напруг память. После звонка в Москву он хотел попросить секретаршу, чтобы она приготовила ему по-быстрому чашку кофе, но... Точно, ее на месте не оказалось. И что же дальше? Он вышел из своего кабинета и прошел по коридору до лифта, покурил и вернулся к себе. А как долго он курил? Из лифта вышла миниатюрная брюнетка в красном брючном костюме и спросила его, где находится женский туалет. Он принялся объяснять, но женщина почему-то сказала, что ничего не поняла и не мог бы он сам ей показать. Шубин подивился тогда еще ее наглости: просить о подобном директора фирмы! Пока он провожал ее до туалета, из лифта кто-то вышел – это он точно слышал – и направился в сторону приемной.

– Вы извините, конечно, – сказала брюнетка в красном костюме, – но мне кажется, что от вас пахнет женскими духами. Слишком уж приторный запах.

– А кто вы, собственно, такая и что вы делаете здесь, в моей конторе? Вы к кому-нибудь пришли?

– Во-первых, не грубите. А во-вторых, разве вы не видите, что я беременна? Женщина в таком положении всегда хочет в туалет. Ребенок давит, понимаете? – И она хмыкнула, окинув его брезгливым взглядом.

– Куда давит? – не понял Шубин. Его раздражала и сама женщина, и ее костюм, и дурацкая манера разговаривать.

Она ничего не ответила и зашла в туалет, а он вернулся к лифту и зачем-то закурил еще раз. Зачем? И почему у лифта, неужели нельзя было покурить у себя в кабинете?

А все это время в его кабинете никого не было. Ключи, которые мешали сидеть развалясь в кресле, он оставил прямо на столе. Но Алиса?..

Шубин кинулся к телефону и позвонил к себе на работу.

– Алиса?

Но в трубке кто-то всхлипывал.

– Кто там, черт возьми?! Позовите Алису!

– Сергей Иванович... – он узнал голос своего главбуха, Марины Станиславовны. – Алису... убили. Ее нашли на заднем дворе, ее кто-то сбросил вниз... Вы приедете?

Шубин, потрясенный таким известием, молча опустил трубку. Липкий пот сделал влажным ладони. Холодок смерти прошелестел в саду за окном.

Убили Алису? Бред. Может, она сама выпала из окна?

Закурив, он в волнении набрал номер своего домашнего телефона. Трубку долго не брали, а когда взяли, он почти заорал:

– Аня? Наконец-то... Ты дома? Представляешь, у меня пропали ключи. Прошу тебя, сиди дома и никуда не выходи. Я сейчас... вернее, нет, не сейчас, позже, а может быть, и завтра приеду, и мы врежем новые замки... Алло? Ты чего молчишь? Ты уже знаешь об Алисе?

Но на другом конце провода положили трубку. Он перезвонил – длинные гудки.

И тут он понял, что сегодняшнее свидание не состоится. Что Марго не придет. Он просто почувствовал это.

И в то же самое мгновение увидел ее. Она подходила к воротам. Спокойная, улыбающаяся. В сиреневом нарядном платье, прижимая к груди сумочку.

Шубин смотрел на нее, и это несоответствие ее жизнерадостности и того состояния, в котором находился сейчас он сам, обескуражило его. Он уже не мог понять, то ли радоваться ему приходу Марго, то ли – как подсказывал рассудок – объясниться с ней, пока не поздно, и, посадив ее в машину, мчаться в город, к себе в контору, чтобы подробнее узнать обстоятельства смерти своей секретарши. Кроме того, у него пропала связка ключей, а жена – и это уж совсем непонятно! – почему-то не желает с ним разговаривать и бросает трубку.

Услужливое воображение подсказало, а вернее, нарисовало ему картинку: воры в квартире, а Аня, связанная, с кляпом во рту, испуганно смотрит, как его грабят.

– Что-то я не чувствую запаха костра, – услышал он уже над самым ухом и очнулся. Маргарита стояла перед ним, сияя, словно майский пион. – Ну же, обними меня! Я тебе не снюсь!

И она, приблизившись к нему вплотную, обвила руками его за шею и крепко прижала к себе.

Глава 6

СЛАДОСТРАСТНЫЙ ФОТОГРАФ

– Нет, вам лучше пересесть на диванчик, вот сюда. – Мартин Штраух, фотограф, взял за плечи студентку музыкального училища Лизу Смирнову и подтолкнул к дивану. – Головку немного склоните, плечико оголим, оголим, не стесняйтесь, спинку выпрямим и... улыбнемся!

Он фотографировал на дому, и весь город знал, что Штраух – мастер своего дела. Разумеется, его посещали не для того, чтобы сфотографироваться на паспорт или военный билет. К нему ходили в основном женщины, чтобы обессмертить свою красоту. Время шло, девочки превращались в девушек, девушки – в женщин, женщины – в увядающих женщин (мягко говоря), а на фотографиях Штрауха все они оставались свежими и молодыми. Он знал, как правильно установить софиты, чтобы лицо получилось матовым, а глаза – блестящими. На снимках, выполненных Штраухом, можно было пересчитать реснички, заметить месяцеподобные светлые кромки на ногтях – до того качественно все было сделано.

Но еще весь город Маркс знал, что Штраух равнодушен к женщинам и что если к нему пришла хорошенькая клиентка, то она не уйдет до тех пор, пока он не дотронется до самых сокровенных ее мест. Девственницы краснели, чувствуя, как шестидесятилетний художавый, с большими навывкате карими глазами фотограф как бы нечаянно касается их груди, как его длинные пальцы поглаживают талию или бедра, а то и вовсе забредают в теплые лабиринты женского тела. Да, всё все знали, но никто не устраивал сцен или скандалов на этот счет. Должно быть, невинным девушкам такое обращение с мужчиной было просто любопытно и щекотало воображение, молодым женщинам был повод поразвлечься, а зрелые дамы так вообще видели в нем мужчину в самом полном смысле этого слова и многие могли бы позволить ему больше, если бы он только намекнул.

Увы, Штраух был эстетом. Он любил женское тело, но удовольствие находил в том, чтобы смутить клиентку, заставить покраснеть нежные щечки и увидеть тот удивительный блеск в глазах, который заменял ему сокровенный сок женщины в момент интимного прикосновения к мужчине. Быть может, именно поэтому его фотографии были так удачны и словно светились изнутри волшебным светом самой плоти.

Жена Штрауха умерла, когда ему самому было сорок лет, а его дочери Соне – пять. Он как мог воспитывал ее до совершеннолетия, кормил, одевал, следил за ее занятиями в школе, а когда девочке исполнилось шестнадцать, отдал ее замуж за своего друга, скорняка Исаака Ляйфера, которому давно исполнилось пятьдесят. Маленький городок осудил отца, отдавшего свою юную дочь старику. Но, как ни странно, Исаак и Соня жили спокойно, без ссор и скандалов, хотя и особенной любви между супругами не замечалось. И никто, конечно, не подозревал о том, каким тяжелым испытанием был для Сони этот неравный брак. Исаак старался, чтобы в доме всегда была хорошая еда, чтобы его маленькая жена ни в чем не нуждалась. Он одевал ее как куклу, покупал ей драгоценности и дорогую одежду. Но когда наступала ночь и Соня ложилась в постель, для нее начинался самый настоящий кошмар. Она закрывала глаза, стискивала зубы, сжимала крохотные кулачки и, стараясь не закричать, терпела момент исполнения Ляйфером супружеского долга. Это происходило по нескольку раз за ночь. Не понимая смысл происходящего, поскольку она, как женщина, еще не созрела, Соня в душе презирала мужа и мечтала о его смерти. И однажды осенью, когда за окнами их просторной, богато обставленной квартиры шел дождь со снегом, в комнате было пасмурно и уныло, а в форточку врвался запах мокрой земли и реки, Соня поняла, что так дольше продолжаться не может.

Исаак лежал на ней вот уже четверть часа, он весь взмок, тяжело дышал, а конца его упражнениям все не было видно.

И тогда Соня, протянув руку к тумбочке, схватила лежавшую там стальную спицу, с которой тотчас соскользнуло вязание, и хладнокровно вонзила ее в правый глаз мужа. Он застонал так, словно наслаждение, к которому он так отчаянно стремился, обрушилось на его измученное тело. И затих. Возможно, в эти мгновения он испытал наиболее острые – в прямом и переносном смысле – ощущения: смертельную боль в сочетании с оргазмом.

Соня сбросила его с себя, сразу же перевернула на спину, чтобы из глаза не хлынула кровь, и спокойно ушла в ванную – приводить себя в порядок.

Когда она вернулась, мертвый Исаак с выражением удивления на лице, лежал на постели, и Соня подумала, как хорошо, что она больше никогда не увидит его, не услышит, не почувствует на себе его прикосновения.

Она прикрыла убитого простыней и пошла к отцу.

Штраух в это время фотографировал двух подружек, они хохотали, подмигивая друг другу, и никак не могли усесться на диване таким образом, чтобы обеим попасть в кадр.

Соня зашла на кухню, съела яблоко и принялась ждать.

И только когда в доме все стихло и Мартин вошел на кухню, она бесстрастным голосом произнесла:

– Я убила его, па. Извини, он был твоим другом.

За большие деньги Мартин устроил так, что все в городе до сих пор думают, будто Исаак Ляйфер умер от кровоизлияния в мозг. Хотя, по сути, именно так и было. Кровоизлияние... от спицы.

Молодая вдова осталась жить одна в большой квартире.

Но вскоре ей это надоело, и она устроилась работать на почту. Будучи девушкой любознательной и энергичной, она не могла долгое время оставаться без настоящего дела. Ей хотелось поскорее выбраться из этого гнилого места, именуемого провинцией, и укатить в Америку. Или – на худой конец – в Германию. Но для этого были необходимы большие деньги. Ляйфер оставил ей, конечно, кое-что. Но этого «кое-чего» хватило бы только на билет и на год жизни на чужбине. А что дальше?

Она начала с того, что стала вскрывать письма. Дома, ночами, она держала конверты над паром и погружалась в чужие тайны. Но ничего интересного – кроме разве что любовной переписки – не встретила.

В это же время к ней зачастил Андрей Прозоров. Молодой парень, который, случайно оказавшись в этом городе, мечтал, так же, как Соня, уехать из России.

В постели они строили планы, чертили схемы подкопа сберкассы, рассуждали о возможности спрятать трупы в Черном озере или на нефтебазе, подсчитывали, сколько потребуется денег на дорогу до Берлина или Нью-Йорка...

В городе начали происходить убийства. Стали исчезать люди. Ограбили сберкассу – двух кассиров и контролера вместе с охранниками убили бесшумными выстрелами в голову.

Преступников не находили.

Вскоре к Соне и Андрею присоединился Вадим Неустроев. Втроем стало удобней «работать». Они прекрасно ладили и понимали друг друга с полуслова – даже в постели, которая наконец-то открыла Соне свои запретные радости.

Штраух молчал. Он чувствовал себя виноватым в том, что не смог сделать свою дочь счастливой, что вместо того, чтобы дать ей возможность выйти замуж за любимого человека, он отдал ее Ляйферу, руководствуясь лишь материальными соображениями. Отсюда – ненависть и жажда наверстать потерянное.

Однажды ночью, когда, плотно поужинав, уставшие после сложного дела Андрей и Вадим крепко спали – они взяли кассу заготконторы, – Соня по старой привычке достала из сумочки два десятка писем (она продолжала работать на почте) и поставила на плиту кастрюльку с водой.

Вскрыв первый же конверт, она поняла, что год «работы с корреспонденцией» не прошел даром. Она была вознаграждена сполна. Это было письмо из Германии от Отто Либена, адресованное его внучке Маргарите Калининой. Отто Либен, эмигрант, долгое время живший в Мюнхене – а до этого в Марксе и Алма-Ате (когда немцев в двадцать четыре часа выселили с берегов Волги и отправили эшелонами в Казахстан), – обращался к своей единственной, оставшейся в России внучке со следующими словами:

«Маргарита! Я, Отто Либен, твой дед, хочу сообщить тебе, пока ты не уехала из этой страны, что настало время поговорить с тобой о наследстве. О том, что принадлежит мне по праву и по ряду причин осталось невостребованным мною, а теперь принадлежит тебе. Это надо взять и распорядиться таким образом, чтобы об этом не узнали власти. Одной тебе будет сложно, поэтому обратись за помощью к своему дяде, моему сыну, Карлу. Он умный человек и сможет тебе помочь. Если сочтешь нужным, поделишься с ним по-родственному, хотя он и так богат, у него все есть. А теперь напряги свою память и вспомни, что я рассказывал тебе о загадках Яна Перельмана и о гравюрах.

Ты была тогда маленькой девочкой, и я рассказал тебе сказку о красивом дождливом городе, в котором был маленький дворец с оранжевой комнаткой. И что случилось с нею потом. И о волшебнике, который что-то спас и спрятал в надежном месте. И о плане этого места, который волшебник отвез в далекую страну.

Письма в вашей стране вскрываются, поэтому я не могу писать тебе открытым текстом. И даже сейчас я обращаюсь к тому, кто читает эти строчки (если это не ты, Марго): «То, что вы делаете, подло! Сложите листок вчетверо и положите обратно в конверт. Это не имеет к вам никакого отношения. Я забочусь о продолжении своего рода, и это мое личное дело. Не будьте свиньями!»

Так вот, Марго, я скоро умру. Через несколько дней к тебе придет один человек и принесет одну вещь. Это первая часть гравюры. Две я отдам Карлу. А четвертую (в скобках шла фраза на немецком) мой секретарь отдал по ошибке одному русскому бизнесмену, который гостил у нас. Его имя тебе назовут при передаче вещи.

Ты можешь задать законный вопрос: а почему же я не могу передать через моего посланца и это письмо? Объясняю. Он поедет в Россию через три дня, а за это время я могу умереть. Кроме того, вдруг этот человек – которому я, кстати, доверяю, – прочитает письмо и не передаст его тебе?

Извини, служанка Магда несет мне лекарство. Я заканчиваю письмо. Целую тебя, Маргарита. Надеюсь, что мое вмешательство в твою жизнь поможет тебе выехать из России и поселиться в Мюнхене. Твою долю наследства, касающегося недвижимости в Германии, я уже оговорил в завещании. Целую тебя, твой дед Отто Либен».

Соня достала сигарету и закурила. Письмо датировано 29 апреля. Шло оно почти месяц. Значит, этот человек или уже приезжал к Маргарите, а она, не получив письма, ничего не поняла. Либо он в пути. Либо еще не появлялся в городе.

Надо все разузнать об иностранцах, приезжавших сюда за последние полмесяца, и посмотреть телеграммы, адресованные Калининой.

Соня взглянула на часы. Три часа ночи. Отец уже спит. Да и не стоит его волновать. Хотя он наверняка сможет ей рассказать что-нибудь об Отто Либене.

Она заглянула в спальню, где спали мужчины, ставшие теперь ее семьей. Она любит их, она верит в них, она надеется на них.

Шелковый халатик соскользнул на пол. Соня, оставшись в одной сорочке, нырнула в постель, зарылась в простыню между Андреем и Вадимом и, помечтав немного, уснула.

Глава 7

ТЕАТР, ГЕРМАН И ДРУГИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В нашем городе несколько театров. Но занавес, который я увидела на дне чашки, был только в театре им. К. Либкнехта. Два слоя тяжелого бархата, первый – пурпурный – стянут по краям золотым шнуром, а второй – розовый – в точности повторяет контуры первого.

Имея самое смутное представление, зачем я вообще притащилась сюда, я проникла за кулисы через черный ход (благо, у меня всегда при себе фальшивое журналистское удостоверение), замерла в коридорчике и прислушалась. По обе стороны тянулись обшарпанные стены с симметрично расположенными дверями. Грумерные. Костюмерные. Бутафорские. Танцклассы. Звукозапись. Завлит и прочее.

Вот здесь, среди этой нищеты и грязи, создавались спектакли. И никто из зрителей, наверно, не подозревает, глядя на ярко-окрашенную сцену, на которой все кажется чистым и воздушным, в каких нечеловеческих условиях приходится работать артистам и художникам, музыкантам и режиссерам...

Но я пришла в театр не для того, чтобы написать критическую статью с целью выбивания денег у администрации города на нужды этого милого заведения.

Мне необходимо было срочно разобраться что к чему, поскольку время шло, а я продолжала стоять на месте, не зная, с какой двери начать и что вообще искать.

Я дернула за ручку первой попавшейся двери и оказалась в крохотной комнатке. Здесь было тихо. На стуле перед зеркалом сидела дама лет сорока с небольшим. Глаза у нее были прикрыты. Она курила медленно, со вкусом выпуская дым через ноздри. Копна рыжих спутанных кудрявых волос покоилась на обнаженных напудренных плечах. Некогда роскошное золотистое платье тускло мерцало при свете маленького желтого ночника.

– Это ты, водяная крыса? – спросила, не поворачивая головы, дама и выпустила очередную струю дыма.

Я молчала, не зная, что сказать. В моей шальной голове что-то зрело и должно было вот-вот распусться как цветок.

Но мое положение спас человек в джинсах и засаленной футболке.

– Лора, ты меня прости... Не каждый день, понимаешь, бывает халтура. А вы кто? – спросил он и взглянул на меня своими почти черными глазами. Он был похож на ассирийца или породистого турка – невысокий, смуглокожий, черноволосый и очень яркий.

– Я писательница, – ответил кто-то внутри меня. – Хожу, набираюсь впечатлений. Хочу написать про вашу актрису, Ольгу Кутькину, которая играла Жанетту в пьесе Кокто.

Пока я нахально врала, ассириец, или «водяная крыса», как назвала его колоритная Лора, ловким движением обмотал ее лоб плотной марлевой лентой в несколько слоев и скрутил в узел на затылке, безжалостно подмяв объемные локоны парика. Затем, достав из ящика туалетного стола деревянную коробку со множеством отделений, засучил рукава и принялся наносить на бескровное лицо будущей героини сегодняшнего спектакля толстый слой розового крема. Он штукатурил ее лицо, пока оно не стало однотонным, матовым и приобрело оттенок живой плоти. Затем на ее скулы легли румяна цвета лососины. Веки густо зачернили, наклеили искусственные, но шикарные ресницы придали губам форму прибитого на окне мотылька и закрашили жирной лиловой помадой.

– Скажите, господин грумер, – некстати сорвалось у меня с языка, – эта дама будет сегодня играть покойницу?

Лора открыла глаза – судя по ее виду, она была со страшного похмелья – и повернула ко мне отяжелевшую от грима голову:

– Он что, опять сделал мне синие губы?

– Но ведь ты играешь вампиршу, я не могу сделать тебе красные губы, потому что тогда не будет видно крови, в которой ты испачкаешься после того, как напьешься...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.